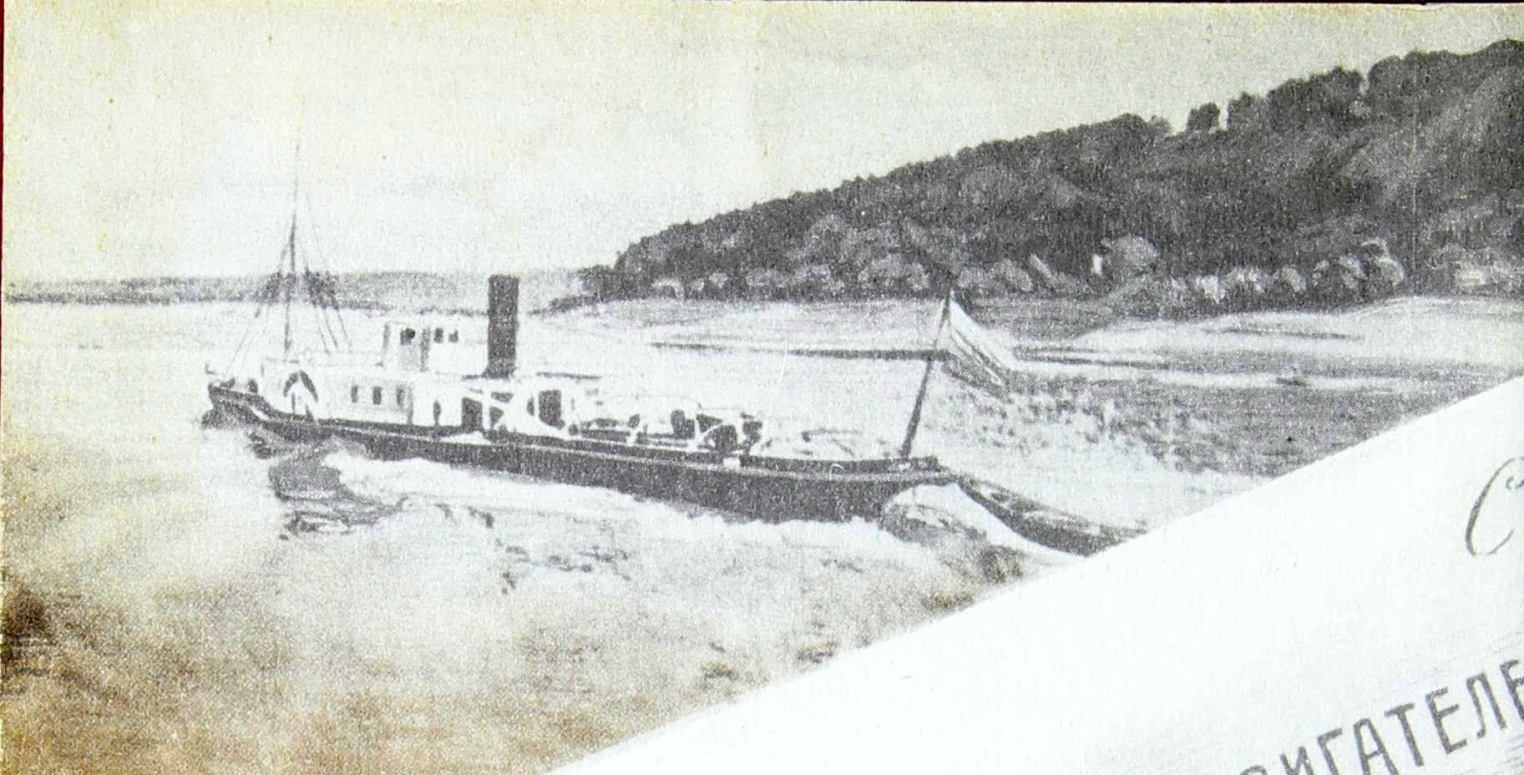

А. А. Деревянченко,
А. Г. Чулков

ВОЛЖСКИЙ САМОРОДОК

Билтэвэ

ФАБРИКА НЕФТЯНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ

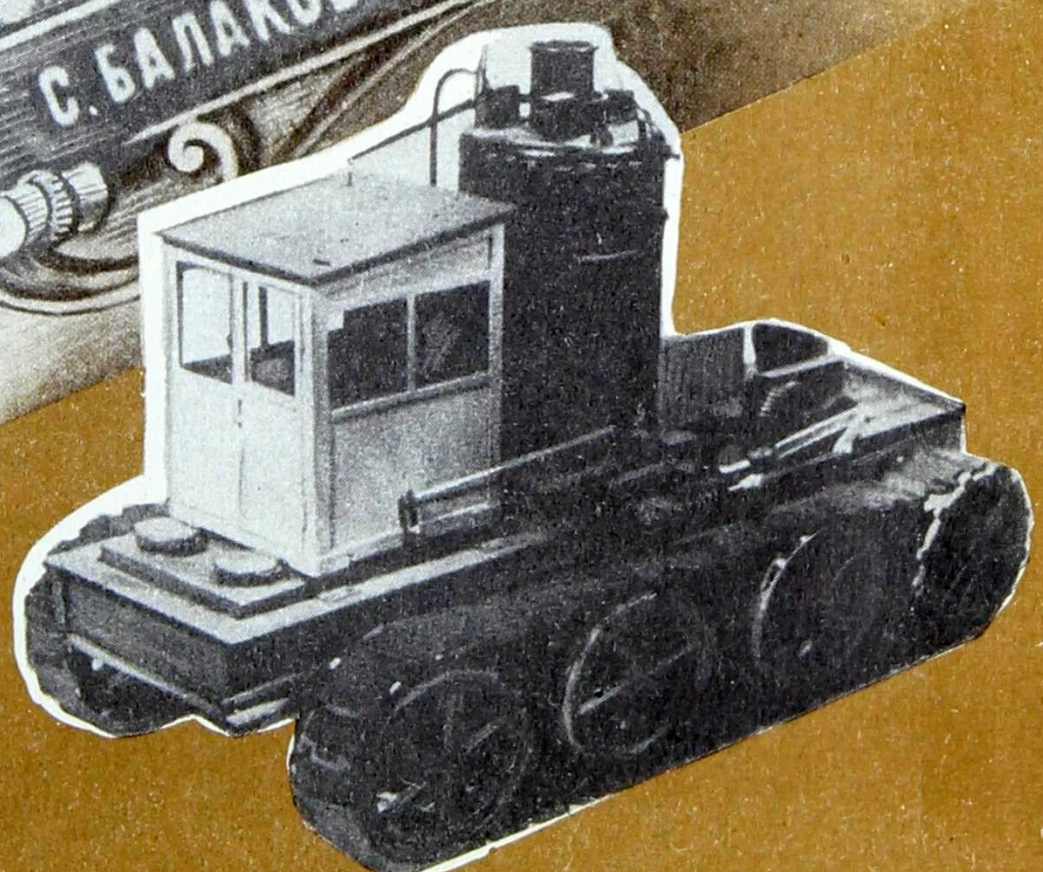
БАЛАКОВО

Балаково Марта 19-го дня 1938

ТОВАРНЫХ НАСОСОВЪ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Дорфуря Федоровича

Кушнова
С. БАЛАКОВО САМАР. Г.

"КР"

ЮБЕ ОБ

V

30
536

А. А. Деревянченко,
А. Г. Чулков

ВОЛЖСКИЙ САМОРОДОК

(страницы жизни Ф. А. Блинова)

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ЗАЛ
ЦГБ

93 03

97
62289-1 V

92

БАЛАКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1990

ББК 30г(2)
Д36

Рецензенты: докт. техн. наук, профессор В. Ф. Суханов,
канд. техн. наук *Д. А. Лозовой*, член СП СССР *К. В. Шилов*.

Деревянченко А. А., Чулков А. Г.

Д36 Волжский самородок: (Страницы жизни Ф. А. Блинова). — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990.—176 с. — (Их имена в истории края).

ISBN 5—7633—0254—3

Документально-биографический очерк жизни и изобретательской деятельности уроженца саратовского края, талантливого механика-самоучки, создателя первого в мире гусеничного трактора Федора Абрамовича Блинова.

Д $\frac{0503020900-43}{153(01)-90}$ 60—90

ББК 30г(2)

ISBN 5—7633—0254—3

© Анатолий Александрович Деревянченко, Алексей Григорьевич Чулков, 1990.

ОТ АВТОРОВ

Сто лет назад в Поволжье, в нашем краю, собирался первый образец гусеничной техники, которому современные тракторы Волгоградского, Чебоксарского, Челябинского и других заводов, образно говоря, приходится внуками и правнуками. В Поволжье, на саратовской земле — житнице хлеборобского края, родился и сам автор пионерского изобретения, первым в мире разгадавший принцип управления гусеничным двигателем и первым создавший гусеничную платформу, а затем и трактор.

Старые села Правобережья Волги Вольского и Балаковского районов — родные края талантливого механика-самоучки Федора Абрамовича Блинова. Он родился в деревне Никольской бывшей Черкасской волости (ныне Вольского района). А в 1888—1894 года на балаковской земле изобретатель Блинов построил два опытных образца гусеничного трактора с паровыми двигателями.

Гусеничные и колесные тракторы, как известно, помогли крестьянам объединиться в ТОЗы, а затем колхозы и совхозы. Благодаря им удалось за короткий срок освоить необозримые просторы целинных и залежных земель в Саратовском Заволжье и Казахстане. На базе гусеничного двигателя советские конструкторы создали знаменитую марку танка Т-34, сослужившую «солдатскую службу» в разгроме фашистской Германии. Один Челябинский тракторный завод (Танкоград) дал фронту 18 тысяч танков и самоходных установок на гусеничном ходу! И в освоении сибирского края не обошлось без гусеничных вездеходов, трелевочных, болотных и крутосклонных тракторов с маркой ВГТЗ или ЧТЗ. На стройках, в российском Нечерноземье, в городах и селах — всюду мы видим промышленные и сельскохозяйственные гусеничные тракторы или экскаваторы, бульдозеры, подъемные краны на гусеничном ходу! Многие типы и марки гусеничной техники назовет ныне каждый школьник. А вот далеко не каждый знает, что родоначальником их был наш земляк, бывший крепостной крестьянин деревни Никольской Федор Блинов.

К сожалению, книжные магазины и библиотеки страны мало что могут предложить читателям о жизни и деятельности талантливого изобретателя. Лет 35 назад еще встречались книги по истории техники и о творцах народной машины. Их авторы — Л. Гумилевский, Л. Давыдов, А. Исаев, А. Кирюхин и другие писатели, журналисты и инженеры. С тех пор труды этих авторов почти не переиздавались. Кроме того, многие книги о Блинове и его учениках требуют уточнений, иного подхода в связи с находками в последнее время новых архивных материалов.

Одному из авторов этой книги — балаковскому инженеру и краеведу А. А. Деревянченко удалось найти ряд редких документов о родословной Блинова, о родной деревне Никольской и истоках рождения гусеничного трактора.

Помогли воссоздать «древо Блиновых» «ревизские сказки» — списки крепостных деревни Никольской конца XVIII и начала XIX века; метрические книги церкви Знаменской — села Черкасского, и Единоверческой — села Балакова, за XIX век; а также прямые потомки изобретателя, живущие в Куйбышеве.

Корни «древы Блиновых» уходят в глубь веков истории великороссов Поволжья — нации, образовавшейся смешением славянских и угро-финских племен. Пращур — Петр Григорьевич Блинов — и его братья Михаил и Иван — из крепостных крестьян Нижегородской губернии, дети которых по воле барина графа П. Б. Шереметева были переселены в село Черкасское, вероятно, не ранее 1768 года.

По данным четвертой ревизской сказки (1782 г.), прямые предки изобретателя жили уже в новой деревне Никольской. Никифор Петрович Блинов и еще около десятка черкасских семей-переселенцев являются основателями деревни, в которой ныне живут их потомки — члены колхоза «Красный партизан» Николаевского сельсовета Вольского района.

Род Блиновых за триста лет настолько разросся по селам и городам России, что трудно поддается учету. От Абрама Даниловича (а не Абрама Ивановича, как полагали первые биографы) идет прямая ветвь древа изобретателя.

От детей Михаила и Ивана Григорьевичей Блиновых пошли боковые ветви «древы Блиновых». Потомки их живут в поселке Черкасском Вольского района. А в деревне Никольской проживает семья участника Великой Отечественной войны Николая Федоровича Блинова. Он прямой потомок многодетного Захара Никифоровича Блинова.

Найденные А. А. Деревянченко ревизские сказки и метрические книги церкви Знаменской помогли уточнить многие биографические сведения из жизни изобретателя и его детей. В части II «О бракосочетании» за 11 января 1861 года значится имя и возраст жениха: «...деревни Никольской графа Уварова крестьянин Федор Абрамов Блинов, православного вероисповедания, первым браком, 29 лет...» Известно также, что его дочь и внуки ежегодно отмечали день рождения Федора Абрамовича 25 июля по новому стилю.

Действительно, в июле — августе, как правило, новорожденным младенцам крестившие их священники давали имя «Федор», что означает в переводе с греческого языка «божий дар». Если бы Федор Блинов родился в 1827 или 1832 годах, как указано во многих источниках, то в начале января 1861 года жениху было бы либо 33 года, либо 28 лет, но не 29, как зарегистрировано в акте бракосочетания. Поскольку акт является документом-первоисточником, то смело можно сказать, что Федор Абрамович Бли-

нов родился в 1831 году, по данным дочери и внуков, назовем и день его рождения — 25 июля.

Отсутствие регистрации дня рождения Федора Блинова в метрических книгах официальной церкви (1827—1833 гг.) только подтвердило гипотезу автора, что родители его придерживались правил старой веры и крестили своих детей в молельном доме, документы которого, к сожалению, не сохранились. Гонение, устроенное официальной церковью на старообрядцев Поволжья в 1832 году, принудило многих николевских крестьян записываться в приход церкви села Черкасского.

В середине 1860 годов, после голода и смерти первенца, семья Федора Блинова вновь примкнула к старообрядческой общине. Лишь в 1880-е годы, переехав в заволжское село Балаково, семья изобретателя порвала окончательно с «беспоповской сектой», записавшись в приход новой Единоверческой церкви. В метрических книгах этой церкви есть записи бракосочетаний детей и рождений внуков, а также акт о смерти самого изобретателя. Последняя запись о том, что Федор Абрамович Блинов умер 24 июня 1902 года в возрасте 70 (полных) лет, не противоречит уточненной дате рождения. Одного месяца Блинов не дожил до 71 года.

Документы, полученные из ЦГИА СССР, ГАСО, Политехнического музея, музеев ЧТЗ, ЧИМЭСХа, СИМСХ имени Калинина, завода имени Ф. Э. Дзержинского и других архивов и музеев, позволили авторам книги под новым углом зрения взглянуть на творчество Блинова и истоки гусеничного трактора.

Найденное прошение от 21 января 1878 года убедило в том, что Ф. А. Блинов жил какое-то время в Петербурге и сам хлопотал о привилегии на «вагон» через министерство путей сообщения.

Из чертежей, приложенных к прошению, а также описания изобретения стало ясно, что принцип поворота гусеничного вагона отличается от принципа маневрирования гусеничным трактором, чего не заметили исследователи-предшественники.

В своем первом изобретении Блинов выдвигал и такую мысль, как использование на транспортных перевозках гусеничного поезда, состоящего из четырех гусеничных вагонов (прицепов).

К сожалению, идея Блинова о гусеничных поездах до сих пор до конца не реализована. А сколько бы было сэкономлено миллиардов тонна-километров, лошадиных сил и условного топлива за минувший век! Даже по блиновским масштабам можно сейчас перевозить 40—70 тонн грузов на гусеничных прицепах, буксируемых гусеничным трактором в 100—160 лошадиных сил. Для сравнения скажем, что колесный автосамосвал БелАЗ-549 для перевозки 75 тонн сыпучих грузов нуждается в двигателе мощностью 1000 лошадиных сил!

До войны в городе Горьком была попытка выпускать гусеничные прицепы. Налаживается теперь их серийное производство в сибирском городе Ишиме.

В сельском хозяйстве при перевозке зерна с полей на элеваторы некоторые водители применяют идею Блинова о безрельсовом поезде. Так, балаковский водитель Герой Социалистического Труда В. Еремеев одним из первых применил автопоезд из четырех прицепов. Но промышленность, как правило, выпускает прицепы на колесном ходу. А ведь Блинов доказал привилегией от 29 сентября 1879 года, что на буксировку колесных повозок затрачивается усилие на крюке в шесть-семь раз больше, чем на гусеничный прицеп.

Если бы в нашей стране выпускались блиновские гусеничные прицепы, то теми же грузовиками, уже не говоря о гусеничных тягачах, можно было значительно больше перевезти зерна за один рейс с поля до элеватора. Экономическая выгода очевидна. Но такова уж тенденция в мире, что колесная техника теперь постепенно вытесняет гусеничную. Однако стоит задуматься и над тем, что производство резины для колес — более дорогое и вредное для окружающей среды, чем изготовление металлической гусеницы. Важно и то, что гусеничное звено (трак) долговечнее, чем резиновые шины, которые ныне заполнили свалки. Их сжигают, и миллионы рублей улетают в трубу, засоряя атмосферу.

Второе изобретение николевского умельца тоже при его жизни не нашло практического применения. Но спустя 30 лет после смерти изобретателя оно получило массовое распространение во всем мире. Речь идет о гусеничном тракторе, истоки рождения которого многие историки техники и первые биографы Блинова видели только в «вагоне особого устройства с бесконечным рельсом».

Практическое воплощение этой идеи стало возможно благодаря опыту Блинова как паровозного механика и знанию им истории техники XIX века. В самом деле, гусеничный трактор (как часто бывает в области науки и техники) родился на стыке двух отраслей — судостроения и паровозостроения, считавшихся самыми развитыми в дореволюционной России. Поэтому нет ничего удивительного в том, что конструкция блиновского самохода вобрала в себя многое от первого в мире паровоза изобретателя Р. Фультона (1803 г.) и первого русского паровоза, построенного уральскими мастерами, отцом и сыном Черепановыми, в 1834 году.

Изучение первоисточников, находки книги Балабанова «Что принес нам 1880 год», а также интервью Ф. А. Блинова с корреспондентом бакинской газеты «Каспий» за 1896 год позволили установить точную дату создания волжским механиком первого проекта гусеничного трактора — 1880 год.

Найденные воспоминания Я. В. Мамина на страницах газет «Комсомольской правды» 1947 года и «Пионерской правды» за 1952 год, а также письма инженера А. А. Байхерта — зятя Блиновых — и профессора Саратовского сельскохозяйственного института, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР В. В. Костровского, воспоминания чертежника М. Н. Дворникова, токаря М. Ф. Серяева и других учеников, сподвижников Блинова дают нам основание зафиксировать для истории техники два момента в по-

стройке первого в мире гусеничного трактора: 1883—1888 годы постройки первого опытного образца и 1893—1894 годы постройки второго действующего трактора (на базе платформы и парового котла первого образца самохода).

В фондах Госархива Саратовской области нашлись документы, по которым удалось установить, что первое машиностроительное предприятие в селе Балакове открылось в 1883 году. Из его ворот пять лет спустя вышел первый в мире опытный образец гусеничного трактора.

Второй завод — нефтемоторную фабрику «Благословение» — Блинов с сыном Порфирием построили на рубеже XIX и XX веков. На этой фабрике к 1908 году было выпущено около 500 нефтяных двигателей и более 6000 пожарных насосов.

А. А. Деревянченко удалось найти документ о таком важном изобретении Блиновых, как четырехтактный двигатель с внутренним калоризатором и медным запальником (охранное свидетельство № 20776 от 10 мая 1903 г.). По дате подачи заявки можно судить о том, что Блиновым, а не братьям Маминим принадлежит идея создания водяной рубашки на калоризатор и изобретение надежного запальника для пуска в ход нефтяных двигателей.

Другому автору этой книги — вольскому краеведу А. Г. Чулкову — на основе многих архивных документов, литературных источников удалось подробно воссоздать три года жизни Ф. А. Блинова в Вольске, его участие в Нижегородской выставке.

В работе над книгой авторам помогли и встречи с земляками Блинова. Признаться, мы ожидали большего в приумножении доброй памяти о талантливом умельце, радевшем об облегчении хлеборобского труда и посвятившем всю жизнь идее гусеничного самохода. Незавидная судьба у самой деревни Никольской. В 1859 году в ней было 111 крестьянских дворов, а в 1983 году их насчитывалось едва ли 80. На улице Блинова и некоторые избы заколочены... У молочнотоварной фермы в бурьяне до 1986 года без всякого присмотра валялся ручной пожарный насос № 4 — подарок Блинова односельчанам. И, несмотря на наши убеждения о необходимости сохранить и передать этот уникальный экспонат — памятник истории пожарной техники — в музей, кто-то из руководства колхоза «Красный партизан» распорядился сдать его... на металлолом.

К чести никольцев, в 1953 году они установили у себя бюст Ф. А. Блинова. Но долгое время на нем не было таблички с указанием фамилии и дат жизни. Жители деревни и даже старожилы мало что знают о жизни своего великого земляка и вообще истории своей деревни. Бесперспективны и соседние села. Так, старинное село Лопуховка, где родился известный ученый П. И. Бахметьев, находится еще в худшем состоянии. Пустынны улицы с одиноко торчащим колодезным журавлем. Видно, проблема малых сел всерьез коснулась и края Блиновых. Вот почему авторы постарались восстановить по крупницам историю родины изобретателя и его малоизвест-

ную крестьянскую родословную, а главное — показать тернистый путь талантливому николевскому умельца, который посвятил всю свою жизнь созданию машины, облегчающей крестьянский труд.

Авторы выражают благодарность сотрудникам Государственного архива Саратовской области, ЦГИА СССР, ГАКО, ГАПО, ГАГО, архива истории Ленинграда, публичных библиотек имени В. И. Ленина (Москва) и имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Политехнического музея, музеев НАТИ, ЧТЗ, ЧИМЭСХа, СИМСХ имени Калинина (Саратов), писателю Л. Д. Давыдову, правнучкам Ф. А. Блинова — Н. М. Гордеевой и И. В. Блиновой, В. М. Блинову, Н. Ф. Блинову, А. М. Серяеву и другим потомкам изобретателя и его учеников, сотрудникам музея истории города Балакова, коллективу литобъединения «Утро» — всем, кто помогал авторам в подготовке этой книги.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Край Блиновых

По пустынной в ранний утренний час и невообразимо разбитой проселочной дороге одного из уголков российской глубинки продвигалась богатая расписная карета. Тянули экипаж три пары крепких лошадей. Не карета — квартира на колесах со всеми удобствами: мягкий диван, дорожный секретер, подвесные часы и позолоченные зеркала, в которых, поблескивая, отражались дорогие наряды сенатора — графа Алексея Кирилловича Разумовского, его жены Варвары Петровны, урожденной Шереметевой, и дочери Катюши, названной в честь императрицы всея Руси. Костюмы шились по заказу немецкими мастерами, каких немало поселилось в России, особенно в Поволжье, при Екатерине II.

Расстарались, удивили своим гостеприимством столичного вельможу вольские купцы, предоставив ему этот дивный экипаж, каких и в Петербурге немного увидишь.

Граф Разумовский ехал с семьей осматривать новую вотчину — деревню Никольскую, полученную в наследство его супругой в Вольском округе Саратовского наместничества. Ей же принадлежало и большое старинное село Знаменское (Камышлейка тож), ставшее позже волостным центром — селом Черкасским.

Деревня Никольская, как было известно графу, была основана переселенцами из села Камышлейка по воле барина графа Петра Борисовича Шереметева, которому Екатерина II пожаловала здесь земли умершего московского губернатора Петра Борисовича Черкасского¹.

А название свое деревня получила, очевидно, от весеннего народного праздника — Николиной недели, когда и ставилась деревня.

Граф и его супруга с интересом осматривали окружающую местность. Природа здесь была довольно живописной. «Нагорная сторона» — так назывался этот волжский край — щедро рассыпала повсюду балки и овраги, горы и холмы, поросшие густым разнолиственным лесом. Небольшие чистые речки бе-

жали к Волге, зеленели повсюду поля и луга. Приятно дурманил голову запах полевого разнотравья.

— И почвы здесь отменные — черноземы, весьма пригодные для земледелия, — с удовольствием заметил жене Алексей Кириллович. — Вот только дороги, да-с... Дороги наши российские никуда не годны, — добавил граф, поморщившись при очередном изрядном встряхивании экипажа.

Стал накрапывать дождь, и это испортило настроение графу. Боясь, что дорогу развезет, он крикнул кучеру, чтобы погонял лошадей.

Карета покатила быстрее и через час пути спустилась в долину реки Алай, подъехала к самой воде. Барин заметил через узорчатое с позолотой оконце более сотни крестьян, которые переходили цепочкой деревянный мостик.

«Предусмотрительный» управляющий вотчиной устроил крестный ход никольских крестьян по случаю приезда в имение их господина из Петербурга. Впереди, как положено, шли священник, староста села Знаменского и выборный из никольских жителей. На расшитом яркими бумажными нитками рушнике выборный нес хлеб-соль. Другие держали знамена, кресты, хоругви и иконы Николая угодника и Богоматери.

Постепенно образовалось полукольцо перед столичным вельможей. Никольцы видели графа Разумовского впервые, и эта встреча передавалась потом из уст в уста в семье крестьян Блиновых.

Боясь запачкать заграничные башмаки, брезгуя обросшими мужиками, Разумовский принял хлеб-соль, не выходя из расписного экипажа. Священник совершил золоченым крестом «метание» и отслужил молебен, закончив пожеланием доброго здоровья Кириллу Алексеевичу на «многие лета».

Дождь не переставал и даже усиливался, отчего постепенно исчезла парадность крестного хода. Перед глазами господ «крепостные души» выглядели жалкой серой массой. Стоявший в первом ряду сероглазый мальчуган лет девяти дрожал от холода. Его рваная одежонка и босые ноги еще более испортили настроение барину. Он поморщился. Двое других мальчиков жадно глядели на хлеб-соль и стали что-то тихонько говорить отцу и дородной матери с младенцем на руках, держать их за рукава. Подле стояла еще куча мала детей. Мужик — отец семьи — цыкнул на своих сыновей и, потупив взгляд, стал подтягивать охрипшим голосом общему хору. Один из мальчиков вдруг громко спросил старшего:

— Данило, а пошто наш барин тоже голодный?.. Ох, как мне хочется хлебца с солью!

Пение на секунду-другую сбилось. Это заметили управляющий да и сам Разумовский. После церемонии с хлебом-солью он поманил пальцем выборного и спросил:

— Что за хлопцы? Почему перед барином стоять не могут?

— Дак это, это, ваше сиятельство, — заикаясь от волнения, отвечал выборный Яков Колодезнев, знавший по имени всех николецев, — Ивашка Растягай Рубашка да Данилка Худая Копилка. Их отец Захар и дед Никифор Петров переведены из Камышлейки. У нас многие, ваше сиятельство, оттудова... Землицу на богаре подымать — крепкие руки нужны.

— Однако ж неслухи хлопцы, да и батька их что-то хмурый... нестриженный... Не очень-то, видно, рады-барину. Не из тех ли раскольников, что с хлебом-солью встречали шайку Пугачева, шли под его знамя со старой верой?

— Из тех-с, ваше сиятельство, из тех-с! — вставил слово за выборного управляющий вотчины. — За бунт ваш покойный тень Петр Борисович велел наказать розгами и в рекруты на войну со шведами отдать сына старика Михаила Григорьевича Блинова. Он братом двоюродным был деду этих хлопцев... Упрямы староверы.

— Так-с! В ближайший рекрутский набор запиши, голубчик, и из этого вывода Блиновых. Пусть научатся уважать своих господ, голытьба лихоманная! — отрезал граф Разумовский.

Обычно весьма любезный с петербургской аристократией, он не слишком-то церемонился с простолюдинами.

Чтоб как-то успокоить и отвлечь мужа, графиня попросила управляющего показать ему новую ревизскую сказку. Супруг-де хочет узнать, сколько прибавилось здесь душ за тринадцать лет.

Граф заглянул в бумагу. Не обращая внимания на подворную запись членов семьи, нашел то, что интересовало: «итого — крепостных душ 135 мужского пола и 128 женского пола». Показалось мало. Переспросил управляющего, сколько теперь крестьян у них в Камышлейке. Узнал, что в волостном селе 1787 крестьян мужского и 1922 женского пола. Граф предложил переселить в Никольскую еще несколько дворов: невозделанной земли было много свободной и на отроге, и в лимане.

— Пусть распашут под рожь и пшеницу. А по берегу можно сажать свеклу, капусту либо картофель — о его разведении заботится сама императрица.

Он продолжал листать ревизскую сказку. Мелькали имена крепостных: Алексей Трофимов и его брат Кузьма Абрамов

Серяев, Сергей и Иван Даниловичи Канунниковы, несколько дворов Шаныгиных. Задержался глаз на длинном списке жильцов крестьянского двора 63-летнего Никифора Петровича Блинова с женой Федосьей Степановной, с которыми под одной крышей жила большая семья 35-летнего сына Захара и снохи Федосьи Григорьевны. К приезду господ у крепостного Захара Никифоровича Блинова в ревизской сказке было записано семь детей. Из пяти сыновей старшему Даниле было семнадцать лет.

Ниже значилось, что пятую ревизскую сказку 1795 года скрепили «выборный Яков Колодезнев и, за неимением грамоты, за старосту руку приложил заседатель Андрей Никифоров»².

...Сенатор граф Разумовский в тот же год вышел в отставку из-за разногласия с кабинетом Екатерины II. Теперь у него появилась возможность заняться укреплением расшатанного хозяйства в вотчинах. Новый барин счел прежние налоги слишком малыми и приказал «без роздыху» работать на господских полях в воскресные дни, которыми прежде изредка доводилось пользоваться крестьянам села Знаменского (Черкасского) и деревни Никольской.

Когда на полях кончалась страда, крестьян окрестных деревень сгоняли в длинные сараи, где от зари до зари они трепали и чесали конопляную пеньку, пряли и мотали пряжу. Девушки и женщины на скрипучих и громыхающих станках ткали корабельную парусину, полотно и холсты. Русская армия нуждалась не только в рекрутах, но и в парусине, коже, гужевом транспорте и амуниции, которой ведала интендантская служба.

Две маленькие речки — Алай и Камышлейка, нареченные так еще населявшими эти места древними каратаями и эрзями, несли свои воды в приток Волги Терешку и вертели мельничные колеса, приводили в движение «вододействующую толчею». По каналу и деревянным желобам вода поступала в чаны красильных и кожевенных заведений.

Вместо старой деревянной, насквозь прокопченной кузницы появилась в Черкасском новая, стены которой сложили из красного кирпича и крышу покрыли черепицей. Управляющий подыскал опытных сельских кузнецов и молотобойцев. Возможно, что среди них кто-то и был из родственников никольских Блиновых, но только ни дед и ни отец изобретателя. Начиная с прадеда, предки Федора Блинова жили и занимались хлебопашеством в деревне Никольской, где тогда кузницы еще не было.

В кузнице села Черкасского двести лет назад подковывали

лошадей, делали железные ободья для колес гужевого транспорта. Черкасские кузнецы ремонтировали барские кареты, фургоны, сани, двуколки. Они же по распоряжению управляющего именем Разумовских изготовляли из железа и меди нужные детали к сельскохозяйственному инвентарю. Тут же делали колодки, ошейники из сыромятной кожи и железа, заодно и розги для истязания непокорных крестьян.

Заменять же гужевой транспорт на механический никто тогда в России не собирался. Научно-техническая мысль только зарождалась.

Во второй половине XVIII века саратовские и самарские земли, розданные дворянской знати и духовенству, усиленно заселялись. Край постепенно обретал славу «поволжской житницы», поставляя на рынки русских городов все больше и больше хлеба и сырья для промышленных товаров.

Для подъема экономики России, обескровленной Семилетней войной 1756—1863 годов, императрица Екатерина II в 1767 году издала указ, по которому «пустопорожние земли» в Среднем и Нижнем Поволжье для их освоения раздавались придворной знати. Одна только семья графа Орлова получила 36 сел и деревень с 300 тысячами десятин земли. Государственному казначею А. П. Васильеву императрица подарила села Рыбное, Ключи и Верхняя Чернавка в Вольском округе³. Соседняя деревня Нижняя Чернавка досталась тайному советнику, сенатору, кавалеру разных орденов Н. М. Сушкову и его дочери Софье Николаевне. Село Архангельское (ныне Лопуховка) принадлежало А. О. Жарскому и помещику Салавову-Петрову.

Вступив на престол, царь Павел I продолжал политику матери. Большое старинное село на Волге Терса (в 530 дворов с 2593 крестьянами) стало собственностью статс-дамы графини Шарлотты Карловны фон Ливен. Упомянутая немка получила вдобавок деревню Тепловку (89 дворов), село Девичьи Горки (87 дворов) и «новопоселенную деревню Ивановку» близ деревни Никольской. Село Кряжим, именовавшееся в 1816 году (по имени церкви) Козьмодемьянским, являлось вотчиной ротмистра П. Н. Мыщенко.

Новоявленные помещики спешили воспользоваться благоприятным моментом. Их стали называть «временщиками». Они присваивали себе лучшие земли, нещадно грабили крестьян, распоряжались, как хотели, их судьбами.

В ревизских сказках тех лет встречаются такие пометки:

«Гаврила Иванов Тюлехов, 24 года, из деревни Никольской (вотчины графини В. П. Шереметевой) переведен в 1814 году в новопоселенную деревню Камышловку. Из этой же Никольской деревни в 1812 году отданы в рекруты Михаил Иванов Бесчетнов — 24 года, Лукьян Михайлов Серяев. Набором на войну с Наполеоном были взяты Захар Филлипов Клычев — 24 года и Иван Захаров Блинов» (родной брат деда Федора Абрамовича Блинова)⁴.

Сдержал-таки управляющий именем слово, данное графу Разумовскому...

Крепостные крестьяне, измученные подневольным трудом, часто убегали от помещиков: одни — биндюжничать на пристани или бурлачить, другие — промышлять ремеслом, третьи — на наемный труд в городские мануфактуры, в прислуги к купцам или на фабрики и заводы. Уходили в другие села к более влиятельному помещику, заботившемуся хотя бы о развитии экономики собственного имения.

Крепостной род Блиновых принадлежал образованным и знатым дворянам. Село Черкасское, откуда прослеживается родословная изобретателя первого в мире гусеничного трактора, было вотчиной князя Петра Борисовича Черкасского — губернатора Москвы.

Известной и могущественной династией дворян являлся и род Шереметевых. Шереметевы после Рюриковичей считались чуть ли не самыми родовитыми в России. У них с царской династией Романовых со времен Дмитрия Донского значились общие предки — московские бояре Андрей Кобыла (Комбила) и сын его Федор Кошка. Шереметевы первыми в России из бояр получили графский титул (1717 г.). Его заслужил сподвижник Петра I, выдающийся русский полководец и дипломат генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев.

Внук же генерала отличился другим. В дневнике одного из одаренных молодых крепостных Шереметевых есть такая характеристика: «Тогдашний граф Шереметев, Николай Петрович, жил блистательно и пышно, как истый вельможа века Екатерины II. Он к этому только и был способен... Между своими многочисленными вассалами он слыл за избалованного и своенравного деспота, незлого от природы, но глубоко испорченного счастьем. Утопая в роскоши, он не знал другого закона, кроме прихоти...»⁵.

Брат барыни предков Блинова «пристрастился» к своей крепостной актрисе за двадцать лет до официальной женитьбы. Певица, дочь крепостного кузнеца Прасковья Ковалева-Жемчугова была кумиром московской публики. Он, очевидно, по-на-

стоящему любил Прасковью Ковалеву, но смущался ее незнатного происхождения.

Шли годы, дробились дворянские роды, а Шереметевым казалось, что «геральдика» их вечна. Еще бы! Перед реформой 1861 года в собственности Шереметевых уже значилось 800 тысяч десятин земли и 300 тысяч душ крепостных, Иваново-Вознесенские мануфактуры, Павловские мастерские железных изделий, богатейшие дворцы и поместья.

Гордился своей графской родословной также Алексей Кириллович Разумовский. Его отца Кирилла Григорьевича сама царица Елизавета Петровна благословила на пост гетмана Малороссии, то есть всей Украины. Дорожил знатной и старинной родословной и последующий помещик крепостных крестьян Блиновых — зять А. К. Разумовского Сергей Семенович Уваров. С 1818 по 1855 год бессменно до самой смерти С. С. Уваров являлся президентом Российской Академии наук.

Обо всех этих дворянских династиях можно бы здесь и не говорить. Прошло их время. Но живут в народной памяти талантливые самородки вроде крепостной актрисы Прасковьи Жемчуговой и крепостного крестьянина Федора Блинова. Напомнили мы читателю об этих дворянских родах потому, что они сохранили для потомков фамилии, возраст и состав семей своих крепостных.

В ревизских сказках других же помещиков и метрических книгах иных церквей фамилии крестьян отсутствуют. Сей почести достойны были лишь дети дворян и мещан. Без фамилий жили до отмены крепостного права многие крестьяне села Терса статс-дамы Ливен, села Лопуховка помещика Жарского, прапорщика Дубенского и других владельцев окрестных сел. Почему же еще в XVIII веке крестьяне села Черкасского и деревни Никольской удостоились такой чести — получили фамилии?

Вряд ли из уважения господ к своим крепостным. Просто жизнь подсказала высокообразованным дворянам Шереметевым, Разумовскому, что по фамилиям легче вести ревизские сказки. Иначе попробуй разберись, кто из крестьян не отработал барщину или не уплатил подати, если полсела Иваны и все сыновья Петровы.

Федор — дар божий

Стоял июль — пора уборки урожая в Саратовском Поволжье. Крепостные крестьяне деревни Никольской трудились, обливаясь потом от зноя на полях графини Екатерины Алек-

сеевны Уваровой. Управляющий именем Семен Иванович Черноголовкин торопил с утра всех крестьян, от малых до стариков, отработать барщину, пока ведро.

Летом дел невпроворот: кончится покос трав — начинается уборка хлеба. Страда в Поволжье наступает с уборки озимой ржи и ячменя. Вслед за ними поспевают яровая пшеница и овес. Через неделю после жатвы, как доспеет зерно, снопы свозят на гумно, где после их отлежки и сушки начинается молотба.

Абрам Блинов заикнулся было просить управляющего:

— Ваше добросердие, жена занемогла, пушай дома посидит. Дочку Настеньку за нее возьму в поле.

Но куда там, слуга Уваровых и слушать не стал, только распорядился:

— Всех, кто может серпы держать, — в поле!

И покатила его пролетка дальше, оставляя клубы пыли по единственной деревенской улице.

Делать нечего. Запряг Абрам в телегу молодую лошадь Карюху. Кинул на повозку охапку свежего сена, несколько серпов, косу, одежонку на случай ночевки. Позвал семью. Из дома вышли дочка Настенька, лет десяти-одиннадцати, мать Аграфена и жена Лукерья, располневшая от беременности.

— Ох, Абрам! Не могу я ехать в поле. Чую, роды начнутся. Позвал бы с собой матушку Федору... Не иначе как сын будет. Когда Настенькой ходила, тяжело токма не было.

Абрам взял под локоть подошедшую жену и, ласково улыбаясь, спросил:

— А и правда, сын? Добро бы, надобен наследничек. Погоди, я тебе подсоблю в телегу сесть.— И, легонько приподняв жену сильными руками, Абрам усадил ее на телегу. Рядом положил корзину, из которой торчали кувшин с водой да узелок с пеленками. Мать Аграфена пошла открывать ворота, а Настенька побежала звать бабу Федору, которая жила в доме покойного Никифора Петровича Блинова — прадеда Абрама.

Федоре Захаровне — родной тетке Абрама — шел пятьдесят шестой год. Бездетная и одинокая, она всю свою энергию отдавала нравоучениям и слыла в деревне, где жило много старообрядцев, чем-то вроде матушки Манефы — героини романа Андрея Печерского «В лесах». К ней часто хаживали вдовушки и молодки — «белицы», с которыми она подолгу молилась, пела, блюдя ветхозаветные обряды. Она каким-то образом постигла старославянскую азбуку и с удовольствием читала нараспев старопечатные книги вроде «Минеи-месячной». С годами научилась принимать роды, слыла травницей, была не-

сколько ворчливой и часто проклинала человеческие пороки: пьянство, воровство, блуд. Предрекала, как многие верующие, явление антихриста.

Не успели Блиновы выехать со двора, как прибежала Настя и взволнованно сообщила:

— Бабки Федоры дома нет!

— Ну, ладно, дочка, садись. Видно, она уже с племяшами Кузьмой и Тимохой выехали в поле. Поехали. Авось догоним,— сказал Абрам и подал руку дочери. Та быстро вскочила в возок. Отец стегнул лошадь вожжами, и телега покатила по улице.

Прежде чем подняться на проселочную дорогу, миновали болото, прозванное в народе Старицей. Проехали огороды над речкой. На грядках бурели уже помидоры, зеленели огурцы, торчал белесыми бутонами лук. На отдельных участках росли свекла, репа, брюква и редька — любимые овощи старообрядцев. Высаживали они у реки и капусту для щей и бочковой солки на зиму. А вот картофель никольцы только начали осваивать. Абрам вспомнил историю с новым овощем и рассказал дочери, что по незнанию люди ели не клубни, а ягоды с верхушек ботвы.

За разговорами незаметно доехали до места, где начиналось ржаное поле. Под тремя ветвистыми березками у копны с сеном расположились станом никольские крестьяне.

На стан съехались уже полдеревни мужиков и женщин. На полянке дымился костерок. Собравшиеся потчевались кипятком, заваренным душицей и мятой. Рос на поляне и зверобой — тоже любимая заварка вместо чая у никольцев. Выпьешь кружку такого целебного настоя — и вся хворь выйдет, и на душе станет радостнее.

Щурясь от утренних лучей солнца, две молодые матери, сидя на возах, кормили своих младенцев. Мальчишки-подростки охотно распрягали и гнали к реке лошадей, где кормили их по утренней росе и поили. В обед купались сами вместе с лошадьми, спасаясь от июльского зноя.

Заядлые курильщики доставали свои кисеты из шаровар и грубыми узловатыми пальцами закручивали «козью ножку». Огонь высекали для трутня из кремня. Так же и костры разводили. Абрам Блинов не курил, как и другие старообрядцы. Он жевал краюху черствого хлеба, запивая ее домашним квасом. Мать со снохой о чем-то беседовали. Абрам с дядькой Василием и братом Николаем слушали занятные байки. Рассказчики находились в каждой деревне. Вот и у никольцев рыжий коренастый бородач пустил байку о наемном труде за границей.

Мол-де и в России есть помещики, которые отменили у себя крепостную барщину и дали вольную своим крестьянам.

— Отродясь такого не слыхал! — возразил рыжему седой как лунь дед. Ему поддакнул Василий Серяев:

— Чтоб барин да отказался от своих крестьян — ни в жисть!

— Откажется, помяни мои слова! — твердил рыжий. — Потому как наемный труд выгоднее и господам.

За разговорами мужики не заметили, как прискакали на взмыленных лошадях объездчик с егерем. Они только что согнали с поля заблудившихся телят и гусей николевских крестьян. Потрава барского ячменя была невелика, но вызвала гнев у объездчика.

— Чего лясы точите, бездельники! Солнце высоко, а они сигарками дымят, за скотиной не следят. Вишь, на барское поле забрела, попляшете у меня, как доложу хозяину.

Мужики замолчали, стали поспешно искать свои серпы.

Разгладив косматые бороды, сняв пояса с кистями, чтоб легче было работать, мужики, в рубахах-косоворотках навыпуск, засучили рукава, взялись за серпы. Жены, в белых домотканых кофтах и длинных черных юбках, стали рядом с мужьями.

— Ну, с богом! — перекрестилась мать Абрама. Семья Блиновых встала на полоску, выделенную старостой. И пошла работа до седьмого пота. Жнецы левой рукой брали потолще пучки стеблей ржи и тут же с хрустом подрезали их серпами. Стебли аккуратно складывали вдоль полоски.

Жалея жену, Абрам не разрешал ей жать, а попросил крутить жгуты из ржи и не спеша вязать снопы. Мать Аграфена жала наравне с сыном. Не уступала ей и внучка Настенька.

С утра сильно марило. Бабка Аграфена разогнула на минуту спину, смахнула пот с лица, поправила сзади узел платка и посмотрела на юго-запад, откуда приметила облачко.

— Во марит! Ни дать ни взять — тучка принесет ноне грозу.

И правда, после полудня, когда Блиновы расположились у своего шалаша на обед, послышались первые раскаты грома. Суеверная Аграфена перекрестилась, снова Лукерья ойкнула. Мужики переглянулись.

— Обрамужка! Плохо мне, пойду прилягу в тени, — молвила Лукерья. — А ты съездил бы на ячменное поле, бабы сказывают, там будто бы ноне матушка Федора с племяшами.

Вскоре Лукерье сделалось совсем плохо. Закусила губы, лицо покрылось испариной, побледнела. Свекровь засуежилась.

Роды сама не принимала до этого, да, видно, придется... Абрам стал упрашивать:

— Лукерьюшка! Потерпи чуток. Потерпи до дому.

— Ох, Обрам! Да как же это? Не от меня же зависит... Ступай быстрее за матушкой!

Тут смекнул Абрам, что ему и впрямь надо торопиться. Вышел из шалаша от жены и — бегом к реке, где Настенька с мальчиками купала коней.

— Настя! Быстро мне Карюху!

Не дожидаясь, когда дочь выведет лошадь из воды, Абрам в шароварах шагнул в речку. Ухватил за уздечку лошадь, вывел на берег, прыгнул на нее с ходу и — галопом вдоль реки. Поднялся на холм — там на ячменном поле также трудились николевские крестьяне. Работала здесь и семья Петра Захаровича Блинова, младшего брата Федоры. Тетку Федору Захаровну застал на стане за трапезой. Ели из общей миски хлебную тюрю из кваса.

— Тетка Федора! Помоги: Лукерья рожает в поле, — крикнул Абрам, подъехав на взмыленной лошади.

— Ах ты, господи! Дождались! Иду, Обрамушка, иду. Воды кипяченой взяли? Ну, хорошо. Льняная нить-то есть?

— Да есть, тетка! Все есть! Поедем быстрее! Мобыть, уже родила...

Положив деревянную ложку на миску, Федора встала. Поднялись и другие. Кузьма и Тимофей пошли запрягать лошадь. Пока запрягли лошадь да сажали тетку Федору в телегу, полнеба сделалось темно-синим с лиловым оттенком. Порывы ветра пригнули колосья к земле. Ячменное поле заходило желтыми волнами. Вновь блеснула молния и прокатился оглушительный гром.

— Тетя! Я погнал. Вы за мной, скорее! — Абрам стегнул Карюху и поскакал по стерне, объезжая первые снопы ячменя, сложенные крест-накрест на полосе. Загромычала, вторя грому, Федорина телега. Ветер трепал гривы лошадей, волосы и рубаху Абрама. Он не замечал ничего. Думал об одном: не опоздать бы, скорее, скорее...

В какие-то пять-десять минут примчались к стану. Упали первые крупные капли дождя. Федору встретила мать Абрама и увела ее за шалаш, где во ржи металась и стонала в беспомощности Лукерья.

— Потерпи, милая, — наклонились к ней женщины. Абрам остался около лошади. Он ухватился за ее холку, а другой рукой гладил Карюху по носу. Карюха, выпучив глаза, пыталась мотнуть головой. На минуту за шалашом стихло. Абрам

не видел, как сверкала молния, и не слышал раскатов грома. «Почему тихо? Господи, уж не померла ли?» — екнуло сердце. И вдруг на все хлебное поле раздалось долгожданное: «У-а-а!..» — «А-а-а!» — подхватило эхо крик новорожденного.

— Разрешилась наконец-то! О, гром гремучий! Молоньи палючие! — запричитал от волнения и радости Абрам Блинов.

Капли пота смешались с первыми каплями дождя и тоненькими ручейками скатывались с непокрытой его головы, текли по бороздкам крупного лица, черной нестриженной бороде, падали на широкую грудь, на стерню ржаного поля. Отерев рукой лицо, Абрам шагнул к женщинам. Матушка Федора успела сделать, что надо, и на чистом белом полотне протянула живой теплый комочек, громко возвестивший всех о своем появлении на свет.

— Принимай-ка, Обрамушка, сына своего! Молись грому небесному за сей божий дар! Это знамение! Богатырем станет сын.

Абрам перекрестился, принял младенца на широкую ладонь и, разглядывая сына, радостно спросил:

— Звать-то как будем?

— А так и назовем — Федором. Греческое слово-то, а по-русски означает «божий дар», — ответила, загадочно улыбаясь, тетка.

— Хорошо! — отозвалась слабая еще Лукерья. — Будет память и о матушке...

Довольная согласием племянников, тетка Федора набожно перекрестилась и вздохнула, глядя на примолкнувшую сноху Аграфену.

— Жалко, сваха, родной дед Данило Захарович не увидел внука. Семнадцатый годочек, как лежит дед в сырой земле. Царство ему небесное...

Помолчали. Первой заговорила тетка:

— Теперь, Абрам, можно и по отчеству тебя величать — Даниловичем⁶. Поздравляю и благословляю, мой крестник, с сыном-кормильцем! — Тут же перекрестила его по-старозаветному двумя перстами.

И был этот день 25 июля 1831 года⁷.

Отцовское поле

Прекрасную пору детства кто-то образно назвал чудесной страной без обратного адреса. И если даже эти годы не были сплошным праздником, и не всегда было вдоволь еды, и приходилось, оставив ребячьи игры, выполнять тяжелую работу,

помогая старшим,— это время помнит человек всю жизнь и грустит о его невозвратности. У каждого детство неповторимо. У сельских ребят оно неотделимо от аромата луговых трав и запаха пшеничного поля. Хлебный запах для детей — самый любимый, а ломоть калача — лакомое кушанье.

Для Феде Блинова лакомой казалась и краюха ржаного черного хлеба, потому как мало сытных и радостных дней выпадало детям крепостных крестьян. Запах отцовского поля Федор познал с пленок. Как все деревенские мальчишки, он с шести-семи лет уже стал помощником родителям в крестьянском хозяйстве. По весне, когда отец пахал сохой тощей свой надел, Федя погонял быков. Помогал отцу, когда тот из лукошка сеял горстями пшеницу, отпугивал ворон и грачей, чтобы не склевывали зерна. С весны до осени пас домашний скот и птицу. Бывало, (ребенок же!) заиграется по полянке в козны (бабки) с ребятами, а гуси убегут щипать зеленые колоски на барское поле. И беда, если заметит объездчик. Достанется и гусям, и Феде. А дома еще отец «всыплет ремня», чтобы впредь не зевал — не маленький!

Федя Блинов рос худеньким, но крепким, выносливым и смелым пареньком. Он мог одной левой рукой положить на лопатки маленького крепыша — кареглазого Андрюшку Серяева, который так и не вырос, а к призыву в рекруты имел рост всего два аршина*.

Смышленость и ребячий азарт выручали Федю в состязаниях с Афоней — сыном никольского крестьянина Василия Ивановича Канунникова. И хотя Афоня был на год старше Феде Блинова, не уронил тот фамильной чести перед дядей Ваней, приехавшим с братом Василием из села Черкасского. Однажды ребята во время купания договорились нырять глубоко и по дну перейти Алай. Никто, однако, не решался на это. Федя не испугался черноты омота и, нырнув, достал дно ногами, быстро пошел по нему. Но вот уже кончился воздух, а берега все нет. Нырнувшие вслед за ним ребята быстро выдохлись, и одна за другой стали показываться над водой их головы. Вот и последние ныряльщики — Ларька Маврин, — Афоня и Вася Канунниковы. Осмотрелись — не увидели Феде Блинова.

— Ребята, уж не потоп ли наш кулугур? — заволновался Вася.

— Ой-ей-ей! Водяной уташил моего братку! — захныкала маленькая Люба, младшая сестренка Феде Блинова.

* Аршин равен 71—72 сантиметрам (16 вершков).

— Не плачь, Люба, братка сильный, он не испугается водяного! — стал успокаивать ее двоюродный братишка Гаврюша, сын Кузьмы Васильевича Блинова.

Пока судили-рядили, у другого берега показалась мокрая голова. Тяжело дыша, Федя упал на горячий песок. Сил уже не было подняться.

Кто-то нашел лодку в кустах тальника. Дядя Ваня, наблюдавший за ныряльщиками, прыгнул в нее. За ним сели Гаврюша и Люба. Подбежали к Феде ребята, переплывшие раньше плес. Думая, что он не дышит, стали разводить руки вперед и назад, как делали взрослые в этих случаях.

— Отстаньте! Пошто руки крутите? Я живой! — отбрыкнулся от мальчишек Федя и приподнялся на ноги. Подошел к дяде Ване и сказал:

— Проспорил, отдавай лук и стрелы!

— Молодец, племяш! — довольный дядя Ваня похлопал Федю по плечу. — Приедешь в гости к нам — так и быть, сделаю новенький. Вместе пойдем охотиться на дудаков и уток.

(Пройдут годы, и многие из этих деревенских подростков будут взяты на войну с Турцией 1854—1855 годов. Только среди них не окажется Феде Блинова.)

Кто из крестьян приволжских деревень с детства не мечтал повидать Волгу? И Федя донимал отца не раз:

— Тять, а тять, ты бывал на Волге? Расскажи, какая она?

Отец, наработавшись в поле, отдыхал на лавке. Отмалчивался. Но Федя опять просил. Тогда отец, как мог, рассказывал, что Волга широкая да глубокая, рыба в ней водится по нескольку пудов каждая. Разольется река в половодье — другого берега не видно. Берега у Волги дивной красоты. Пообещал отец по весне взять сына с хлебным обозом на Волгу. У Феде и глаза разгорелись.

Но как долго ждать следующей весны! Наступила холодная осень. Над деревней со стороны отрога нависали серые тучи. За морозящую погоду и непролазную грязь никольцы прозвали такую осень «плакучей», проклиная ее на чем свет стоит.

Федя в тоске наблюдал, как престарелая бабка с мамкой молятся вечерами перед образами, выпрашивая у бога солнечных денечков, чтобы мужики успели заготовить дров, домолотить на гумнах хлеб нового урожая.

— Уж лучше мороз, чем этак, весь ноябрь слякоть! — подержал мольбу женщин дед-бобыль Иван, под старость принятый в дом Абрама Даниловича.

Федя родного деда Данилу никогда не видел, поэтому де-

довы братья стали ему как родные. Особенно любил он деда Ивана с деревянной ногой, любил за его былую удаль и мастерство рассказывать сказки и побывальщины. Деду не было еще шестидесяти лет. Сохранил он солдатскую выправку, носил по праздникам поношенный мундир. На своем веку дед Иван многое повидал. Как участник войны 1812 года, он пользовался уважением среди земляков. Дед рассказывал подростку о своей суровой солдатской службе, о том, как сражался с неприятелем, как был ранен в ногу. Поведал и о фельдмаршале Михаиле Кутузове, об адмирале Федоре Ушакове, о партизанах Денисе Давыдове и других русских полководцах.

Затаив дыхание, слушал крестьянский мальчик эти рассказы. От деда Федя узнал немало интересного о родном крае, слышал сказание о крестьянских вождях Степане Разине и Емельяне Пугачеве. В памяти местных крестьян-старожилов хранилась легенда и о богатыре Кудеяре, жившем еще при Иване Грозном в пещерах у реки Хопер, что протекала в соседнем Кузнецком уезде. Кудеяр был грозой для проезжих купцов и бояр. Федя любил былинку о Микуле Селяниновиче — богатыре-оратаюшке. На сельских праздниках заслушивался народными песнями о Волге, о нелегкой жизни трудового народа.

Будучи уже стариком, Федор Абрамович Блинов пересказывал народные былины своим внукам, а в дни болезни грустил, напевая песни волжских бурлаков и грузчиков.

Исстари Поволжье славилось мастерами-умельцами. В одних селах жили горшечники-лошкарки, в других — портные, сапожники, картузники, скорняки, в третьих — плотники, столяры, бондари и каретники, кузнецы, лудильщики и жестянщики. Появились такие умельцы в селе Черкасском и в деревне Никольской.

В усадьбе управляющего имением Уваровых находился ряд мелких предприятий. На реках Терешке, Алае, Камышлейке работали водяные мельницы, на которых любил подолгу бывать Федя. С любопытством наблюдал он, как водоналивное колесо через вал, имеющий на конце деревянные «кулаки», крутило большую деревянную шестерню привода мельничных камней и решет с различными ячейками для крупного и мелкого помола. Не ускользнуло от детского глаза и то, как за помол старый мельник брал гарнцы* с родителей Федеи. Че-

*Гарнцы — натуральная плата за труд.

тыре такие водяные мельницы стояли у села Черкасского и одна — в деревне Никольской.

Постепенно росла родная деревенька Федора. В середине прошлого века в ней было уже 111 изб. Взрослое население составляло 744 человека⁸. Жили никольцы за счет посевов и скота. А там, где был скот, строили и бойни, кожевенные и салотопенные заведения. На центральной усадьбе Уваровых имелись добротная кузница, конюшня, овчарня и домашние мануфактуры — мастерские, где крепостные крестьяне по осени перерабатывали шерсть, коноплю. Там стояли чесалки, прялки, теребивильные, ткацкие станки.

Феде доводилось бывать в мануфактурном заведении, где при свете лучины сидела за прялкой, а то и за ткацким станком его мать. С дедом Иваном и отцом Федор частенько заглядывал и в черкасскую кузницу.

Однажды в прокопченной кузне он изрядно наглотался дыма, зато увидел, как ловко работали кузнецы и молотобойцы. Один чернобородый мужик достал длинными клещами из горна раскаленный брусок железа, быстро обернулся к наковальне и скомандовал крепкому загорелому парню:

— Бей, Ваня! Еще раз, еще!

И полетели из-под кувалды молотобойца Вани Блинова в разные стороны красные искры. Одна упала на Федин картуз. Пощупал пальцем — дырка. Минута, другая — и на глазах никольских Блиновых из металла родилась подкова. Взял ее кузнец и кинул в бак с водой. Оттуда вырвалось сизое облачко и послышалось шипение. Остудив изделие, бородач подмигнул стоявшему рядом деду Ивану и подал Феде готовую подковку с просеченными дырками и шипами.

— Бери. Дарю на счастье. Настоящая.

Кончилась плаксивая осень. Наступили долгие зимние вечера, принесшие и радости, и огорчения. Особенно томился Федя, когда бабка Аграфена и мать брали его в гости к матушке Федоре, где заставляли разучивать молитвы. Говорили бабки разные небылицы о нечистой силе и колдунах, живших в селе Широкий Буерак. Страх нагоняли сказки про домового, лешего, о водяном царе с русалками. Непонятны были внуку «истинные догмы» из старообрядческих книг.

Другое дело — беседы с дедом Иваном. Тот раздобыл где-то потрепанную книжку «Полная российская грамматика» издания 1823 года и стал учить Федю азбуке.

— Аз, буки, веди, глаголь, добро... — читает Федя, склонившись над русским алфавитом. От горящей лучины на стенку падает тень его головы, стриженной под горшок.

Дед Иван хотел, чтобы Федя научился и арифметике, чтобы мог сосчитать хотя бы мешки с зерном, когда с отцом повезут продавать на ярмарку.

— Два да два мешка, сколько будет всего мешков? — озадачивает внезапно дед внучатного племянника.

— Четыре!

— Вот и молодец, Федя!.. — радовался дед Иван. — Выучишься считать до ста — похлопочу, чтоб управляющий взял тебя к приказчику.

— Не хочу я быть приказчиком! Научи меня, дед, кузнечному делу! — возражает Федя.

— Ну что ж, кузнец — тоже уважаемый человек в деревне. Но сначала ты все-таки азбуку разумеешь да считать научись. Познай металл, поработай годков пять молотобойцем, попорть железо, а потом, глядишь, и кузнецом станешь.

Нравилось учиться грамоте у деда Ивана, но манили и зимние забавы. Как только уляжется снег, мальчишки начинают мастерить из старых корыт, тазов и корзин ледянки. На них катались с большого отрога, под которым стоял дом Блиновых.

...Зимним утром, проснувшись, Федя сладко потягивается на согретой за ночь рогожке. Протирая глазенки, видит, что на полу за печкой появился теленок. «Ага, видать, ночью корова отелилась», — обрадовался Федя. От новорожденного пахнет парным молоком. Захотелось отведать молозива — молока коровы, сваренного в первые дни после отела.

— Мама, дай молозива!

— Не варила еще. Молока теленку не хватает, — отвечает мать из стряпного закутка.

В печи потрескивают дрова. Мать готовит завтрак. Гремит ухватами, чугунками, а сама прикидывает в уме: через две недели, сразу после масленицы, наступит семинедельный великий пост, когда даже молочные блюда есть грех. Выходит, всего лишь недельку она попотчует детей парным молоком. А в чулане и муки-то мало осталось. Из чего варить постное — бог знает! Лето было опять неурожайное, и весной придется детишкам подтянуть животы...

Федя об этом не думает... Он, вспомнив про ледянку и веселое катание с горы, быстро слезает с полатей и — босиком за порог.

На скрип дверей выбегает кудлатый пес.

— Шарик, пойдем на гору! — ласкает Федя пса. Прогронув, идет в избу одеваться. На скорую руку завтракает и бежит с ледянкой к Серяевым и Шаныгиным, а с ними на го-

ру — поиграть в казаков-разбойников и покататься наперегонки.

Нос и щеки горят от мороза, глаза сияют. Еще бы: ведь он сбил в снежный сугроб своих соперников и первым забрался на гору. А кто завоевал гору, тому и быть атаманом. Подбоченься, Федя свистит, зовет своих «разбойников» на гору. Все садятся на ледянки и снова катятся наперегонки. Вот Фебина ледянка с округлым носом и килем, словно лодка, проплыла мимо ребят и первой примчалась на лед Алая...

На рождественские праздники Федя с ватагой ребят ходил по дворам колядовать, пели прибаутку о колядке: «Колядка-коляда — посконная борода...» А веселые игры, когда народ провожал масленицу, с катаниями на тройках с бубенцами? И взрослые и дети дружно поют: «Прощай, масленица, прощай! Масленица, масленица, блинами попеқанщица». Памятны и милы были нехитрые радости деревенских ребятишек...

Весной, как сходил снег и пригревало солнышко, николевские крестьяне отмечали пасхальную неделю. Шли на деревенский погост и Блиновы. Здесь справляли помины (наподобие тризны у славянских племен). Женщины поправляли могилки, бабки клали у крестов крашеные яички. Заросшие травой холмики поливали «сычевой брагой», раскладывали блины, оладьи, пироги, пшенники да лапшенники.

Пили здесь же, на погосте, вино и брагу. Женщины пели-причитали, как бы извещая покойных родителей о своих земных делах, радостях и огорчениях. Десять веков переходили из поколения в поколение причитания «Грому небесному да матери сырой земле».

У едва заметного холмика бабушка Аграфена впервые поведала внуку о родном дедушке Даниле. Федя очень удивился, потому что всегда считал родным только деда Ивана Захаровича.

Пройдет несколько лет, и проводит Федор в последний путь бабушку Аграфену, матушку Федору и отца. А в марте 1855 года здесь же, на кладбище, простится навсегда и с матерью. Как гласит метрическая запись церкви Знаменской: «...деревни Никольской крестьянина вдова Лукерья Петровна Блинова умерла в возрасте пятидесяти лет от натуральной болезни»⁹.

В том же году в октябре у Фебиной сестренки Любы умрет первенец-сын — «незаконнорожденный». Запись «незаконнорожденный» означала, что молодые родители не венчались у священника в официальной церкви, против которой были настроены и матушка Федора и мать Любы Блиновой. Сильны были в деревне Никольской законы «беспоповской» общины.

Не сразу отошел от заповедей братьев по старообрядческой секте, к которой принадлежала семья Блиновых, и сам Федор. А помогла этому матушка-Волга.

В большую жизнь

Самой большой мечтой крепостных крестьян в те годы было получить вольную грамоту. Мечтали о том и Блиновы. Дед Иван сказывал Феде: у кого руки золотые, талант народного умельца, те могут вырваться на свободу путем «содеяния невиданного доселе механизма», подивив своих господ и царя.

Однако везло не всем умельцам. Еще в 1751 году, например, крепостной крестьянин из деревни Большепольской Яранского уезда Нижегородской губернии Леонтий Шамшуренков, сидя в тюрьме, представил правительственному сенату безлошадный экипаж, приводимый в движение за счет мускульной силы человека. Попав за решетку из-за мошенничества яранских купцов, узник просил несколько раз о воле, предлагая как плату за нее свое изобретение.

«В прошлом году сделал я, — писал он в прошении, — для апробации коляску, которая и поныне имеется в Петербурге при правительственном сенате, а ныне еще могу для апробации сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимой, а для пробы могут ходить и летом с нуждою. Ежели позволение будет, то еще сделать могу часы, которые ходить будут у коляски на задней оси, на которой будет показываться на кругу стрелкою до тысячи верст и на каждой версте будет бить колокольчик...»¹⁰.

Это было задолго до изобретения спидометра и транспортных машин с паровым двигателем и двигателем внутреннего сгорания. Шамшуренкову принадлежит идея и подземной колесной дороги — прообраза метрополитена. Последнее предложение крепостного Леонтия Шамшуренкова — это проект соединить каналом реку Москву с Волгой. Однако правительство и духовенство сочли идеи крепостного «вопреки воле божьей». Талантливый механик-самоучка был закован в кандалы и сослан в Яранск, где погиб в неизвестности. Сколько таких вот судеб знала матушка-Россия!

Не смог получить вольную до самой отмены крепостного права и никольский умелец Федор Блинов. А с 1861 года, согласно манифесту от 19 февраля, крестьянин Федор Блинов числился «временнообязанным» дворян Уваровых еще двенадцать лет.

Как же жилось ему в имении Уваровых?

Со смертью госпожи Е. А. Уваровой ее крепостные в конце 1840-х годов были переписаны на имя Сергея Семеновича Уварова — президента Российской Академии наук.

Как только наступал сезон отпусков у сотрудников академии, их президент, получивший в 1846 году титул графа, спешил на живописные берега Волги отдохнуть от столичного шума. Сопровождаемый уездными чиновниками и личным секретарем, граф Уваров знакомился с состоянием хозяйственных дел в имении. Как инициатор пресловутой программы «самодержавие — образование — народность», постаревший граф принимал у себя и ходоков из степенных бородачей деревни Никольской.

В роду Блиновых до сих пор хранится воспоминание о том, что в молодости Федор Блинов не раз встречался со своим барином, который за природную силу и смекалку послал Федора работать в сельскую кузницу, а в период отправки зерна баржами по Волге его же включал в артель грузчиков, чтобы семья смогла оплатить денежные подати.

...Престарелый дед Иван с деревянной ногой стоял перед высоким барином, приехавшим из столицы, ломая перед ним выдавший виды старый солдатский картуз. Сильно волнуясь, он объяснял, почему у никольских Блиновых большие недоимки, и просил отсрочки:

— Ваше сиятельство, господин Сергей Семенович, смилуйтесь, нечем покрыть нам недоимки-то. Засуха треклятая. Хлеб не уродился, а тут на тебе — и кормилец наш Абрамушка, царство ему небесное, помер. Я же стар, без ноги... Продать на ярмарке нечего. Откуда быть деньгам-то?

— Нечем платить долгу — ступай на Волгу! Так, кажется, говорят у вас в народе? — глумился граф.

— Так, ваше сиятельство, так, а дадите нам волю-то, чтобы уйти на Волгу, на отхожий промысел?

— Воли захотели? — начал хмуриться Уваров. — Запустили поля, а теперь о свободе заговорили...

— Так ведь засуха, холера ее заberi. Стараемся, пашем.

— Мелко пашете, плохо сеете, коль не всходит зерно. Ворон кормите... Нет, я за вас возьмусь! — начал потихоньку распаляться старый граф.

Уварову было за шестьдесят. Пора подумать и об отставке, об отдыхе, да жаль расставаться с президентским креслом. Отойдешь от дел — почести уже не те от царя... И народ призвать к порядку труднее без авторитета. Вот, осмелились ведь — пришли с просьбой дать отсрочку в уплате недоимок...

На графе был персидский яркий халат и черный колпак,

какие носили профессора Российской Академии. Граф вытер платком пот, выступивший на лбу. Жарко было и в беседке, стоявшей в летнем саду, где он принимал ходоков. Тут же были дворовые люди, секретарь Черноголовкин и приказчики. Графа беспокоили действительно неважные дела в деревне Никольской, прозванной крестьянами-старообрядцами пренебрежительно «Дерябовкой» за то, что в деревне открылся казенный винный магазин.

— «Дерябовка». Хе-хе, — улыбнулся новому названию старый граф. — Ну и как, покупаете вино? — обратился он к никольским ходокам.

— Кто как, ваше сиятельство. Кулугуры говорят, что пить вино зело нехорошо: нерадивый мужик теперича последнюю копейку отнесет в шинок. А дома детишкам есть нечего. Мы-то не пьем... Копейку бережем.

— Правильно делаете. По доходу и расход... Ну, рассказывайте, какие еще у вас неудобства?

— Кузню поставить надобно свою в деревне и водяную мельницу. Дворов-то — за сотню перевалило. Каждому надо муку молоть, чинить телеги, коней перековывать. Удобнее станет со своей-то кузней и мельницей, — предложили ходоки.

— Дело говорите, мужики. А кто же из вас будет за кузнеца и мельника? — спросил граф, погружаясь мыслями в хозяйственные дела.

— Кузнецом очень даже сможет работать мой внучатный племянш Федор... Косая сажень в плечах! — вставил слово дед Блинов. — Он уже малость кувалдой махал в волостной кузнице...

— Ну что ж, пусть покажет свое умение твой Федор, — со благоволил распорядиться Сергей Семенович.

Так, вскоре в деревне Никольской появилась небольшая кузница с одним горном и водяная мельница о двух постах. Кузница стояла у реки. Сюда по хозяйским нуждам приходили и приезжали на телегах местные крестьяне и жители соседних деревень. Кузнец Федор Блинов и мельник Афанасий Канунников стали уважаемыми, известными в округе людьми.

Тяжелая и однообразная работа в деревенской кузне вскоре, однако, стала томить Федора. Он мечтал поучиться у опытных мастеровых людей, какие жили в Саратове, Сормове и Нижнем Новгороде. А прошедший слух о «чертовых расшивах» — первых парходах, ставших бороздить просторы Волги и курсировать мимо уездного городка Вольска, — взбудоражил

любопытного от природы кузнеца. Федору захотелось самому посмотреть, как выглядит паровая машина, сравнить ее с изобретением Ивана Кулибина — «коноводной машиной» или с водоходным судном.

На коноводках устанавливался большой вертикальный ворот, приводимый во вращательное движение лошадьми, содержащимися на том же судне. Лошади крутили ворот, и целая флотилия зачаленных судов подтягивалась канатом к якорю, ранее брошенному вперед. Таким образом суда двигались против течения. На водоходном судне Кулибин для вращения гребных колес использовал течение воды.

Федора очень интересовало, кто же придумал и как устроена «чертова расшива», заменившая изнурительный труд бурлаков и рабочих лошадей на «коноводных машинах».

Однажды, будучи по хозяйским делам на пристани в Вольске, Федор увидел стоящий под парами буксирный пароход «Волга», построенный в Роттердаме и начавший плавание с весны 1846 года. Это был первый волжский пароход, закупленный за границей пароходным обществом «По Волге».

Довольно несуразное плоскодонное судно, с железным корпусом, приподнятыми носом и килем и, наоборот, впалой серединой, с грохочущим внутри паровым двигателем, произвело на деревенского парня неопишное впечатление. Горизонтальная громоздкая паровая машина высокого давления мощностью в 250 лошадиных сил работала с таким шумом, что его слышали за несколько верст. Кают на пароходе «Волга» не было. Рулевое колесо помещалось в небольшой рубке на палубе¹¹.

Темные, неграмотные жители приволжских поселений считали паровую машину «действием нечистой силы» и относились к «чертовой расшиве» со страхом и ненавистью, «Грешно возить товар на этой дьявольской посудине с печкой», — говорили они. Да и более образованные люди, не видя особой пользы от пароходов, вначале высказывались тоже против них, указывая на большое потребление ими дров, пугание рыбы в реке и отнятие заработка у бурлаков. Общество «По Волге» хотя и объединяло людей более дальновидных, но и оно занялось вопросами улучшения только непаровых судов. Так на Волге появились баржи, которые преобладали в ряду других однородных судов.

...В артели волжских грузчиков, куда привела судьба никольского крестьянина, новичку устроили основательные испытания. Надо было поднять с фургона шестипудовый мешок с зерном (центнер) и на спине отнести его по шаткому трапу

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3	Покровители	87
Крестьянский сын	9	Юбилейный год	92
Край Блиновых	9	Новые идеи, новые трудности	99
Федор — дар божий	15	На балаковской земле	102
Отцовское поле	20	У залива Сазанля	102
В большую жизнь	27	Опять в работниках	108
В ожидании воли	33	Блинов — заводчик	112
Локомобиль в деревне	41	Тайна «святого дела»	119
Волжский механик	47	Испытание самохода	124
Вновь на Волге	47	Саратовская выставка	130
Со старым механиком	51	Строитель буксира	133
Первая модель	54	Снова за самоход	138
Принцип Блинова	61	На выставку в Нижний Новгород	146
Авария на «Геркулесе»	64	Новый завод Блинова	153
Поездка в столицу	72	Последние годы	159
Петербургские хлопоты	77	Послесловие	166
Вольский период	82	Примечания	171
В уездный городок	82		